

Варвара Рыжкова

Калейдоскоп

Рассказы и повести

Варвара Рыжкова

Калейдоскоп.

Рассказы и повести

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65631817
ISBN 9785005375018*

Аннотация

Проза Варвары порой то абсолютно реалистична, то включает в себя откровенно фантастические элементы. Но, несмотря на внешний, не существующий в реальности антураж школы ведьм или космического корабля, речь в фантастических произведениях Варвары идёт о человеческих взаимоотношениях, не опосредованных современными коммуникационными устройствами. Рассказы её щедро приправлены добрым юмором и самоиронией.

Содержание

Предисловие	5
Операция «Снегурочка»1	8
Клочки тумана над рекой2	20
Богатыри – не мы...3	27
Семейная династия	35
Библиотечные казематы	39
Разговор в поезде4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Калейдоскоп

Рассказы и повести

Варвара Рыжкова

© Варвара Рыжкова, 2021

ISBN 978-5-0053-7501-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Варвара Рыжкова – автор не просто молодой, а юный. В данном сборнике представлено практически все её творчество, за исключением самых ранних рассказов и повести.

Живя в деревне рядом с Тарусой, девушка обитает на грани двух миров: большого, внешнего, обильно персонифицированного в москвичах-дачниках, и малого, домашнего, скромного и теплого мира... Мира, где можно запросто прогуляться к Ильинскому омуту, воспетому Константином Паустовским, или помечтать в «Долине Грёз», названной так Мариной Цветаевой. Ведь Таруса – не простой российский городок. Здесь часто проходят культурные мероприятия различного уровня и масштаба, чтут традиции русской словесности, свято помнят имена Паустовского и Цветаевой, Заболоцкого и Ахмадулиной, Н. В. Богданова и А. К. Виноградова...

Эта жизнь на стыке двух миров отразилась в творчестве Варвары не свойственными молодым людям ностальгическими нотками. Она тоскует об уходящем мире «живых» человеческих отношений. О мире, где отец с дочерью могут говорить друг с другом, глядя в глаза, а не в экраны своих гаджетов, о мире, где дети свободно бегают по улицам и резвятся на природе, о мире, где можно запросто заглянуть к соседке и оказать ей посильную помощь. Совсем рядом –

в Москве – этого мира уже нет. И некоторые произведения Варвары живо перекликаются с творчеством писателей-деревенщиков.

В настоящем сборнике перед читателем проходит весь путь формирования нарождающегося литературного таланта, пробующего себя в разных жанрах. Проза Варвары порой то абсолютно реалистична, то включает в себя откровенно фантастические элементы. Но, несмотря на внешний, не существующий в реальности антураж школы ведьм или космического корабля, речь в фантастических произведениях Варвары, по сути, идёт о том же: о человеческих взаимоотношениях, не опосредованных современными коммуникационными устройствами. Рассказы её щедро приправлены добрым юмором и самоиронией. И «хулиган» Володя Куницын, ставший главным героем некоторых произведений, – это глубоко симпатичная и вполне эрудированная личность. А почти дневниковый реализм «Козьяйственной книги» очень сильно смягчён идеализацией воспеваемых козочек. В «Живом корабле» через описание различного рода забавных случаев явственно проступает, что искусственный интеллект даже в космическом путешествии больше помеха, нежели помощник (как это нередко бывает и в реальной жизни).

Особняком стоит достаточно жёсткий сюжет «Запах звёзд». Толчком к написанию этой повести стали реальные события: из многодетной семьи одноклассницы Варвары ис-

через сначала отец, а затем и мать. Параллельный мир Москвы, высасывающий людей из русской провинции, вынужденно отправляющихся на заработки в этот «Молох», оказал откровенно «давящее» впечатление на автора. Желанием наладить связь между мирами, «вернуть» людей, затерявшихся «в хроновакуумной петле», пронизано это произведение. Надеждой, что пропавшие без вести не погибли, а продолжают жить где-то в иных мирах...

Безусловно, на творчестве Варвары сказывается отсутствие жизненного опыта: как следует ей знакомы только добрые взаимоотношения внутри любящей многодетной семьи, бурлящая жизнь школы и неспешный быт российской провинции, однако, отсутствие знаний с успехом заменяет богатое воображение.

И. Н. Токарева, главный редактор газеты «Октябрь» Тагурского района.

Операция «Снегурочка»¹

1

На Спасской башне, под гигантским циферблатом часовое нутро сотрясает мощное механическое сердце. На весь мир разносится неслышное, но неумолимое «цокк... тукк... цокк... тукк...» На землю со звёзд, серебрящихся всё сильнее с каждой минутой и безмолвно улыбающихся своим металлическим светом, ласково спускаются снежинки, в соответствующем ритме: «тик-так, тик-так...» Весы стоят пока неподвижно. Одна чаша – пустая, в другую – тихо-тихо, но безжалостно летит снег, забирая у нас старые секунды и даря взамен новые, а впереди перспектива на новый, ещё не прожитой год – пустую чашу. Тик-так, тик-так. С последним ударом часов, когда стихнет отголосок вибрации где-то в космосе, когда звёзды слегка дрогнут от него и лязгнет металлическая цепь, чаша, в которую упадёт последняя снежинка, рухнет, подняв другую – чашу Нового Года. А мелкие кристаллики снова будут сыпаться, сыпаться, один за другим...

2

¹ Сокращённая версия этого рассказа была опубликована в качестве «рождественского рассказа» в №6 Детского журнала Свято-Пафнутьева Боровского монастыря «Кораблик» за 2017 год.

Как сложно, как рискованно доставлять ребёнку радость! Теперь, когда до праздника осталось всего ничего, двенадцатилетняя Лиза, решив взять (почти) весь груз ответственности за Новогоднее чудо на себя, осознала, как было трудно её родителям. Поначалу с братом, когда они тайно, контрабандой, под его неусыпным надзором переправляли распечатанные, тщательно изученные и снова упакованные письма, адресованные «Дедушке Морозу», в кучу документов, свидетельств о рождении и прочих бумаг в шкафчик с предметами, которые в их семье считались неприкосновенными и тщательно запирались на ключ. Потом с ней, Лизой, когда она, совершенно счастливая, возвращалась с маскарада в костюме Зорро женского типа, не зная, что подарок под ёлочку уже готов, и всё организовано до её прихода.

А вот сейчас? Не хотите ли возложить столь приятное надувательство на свои плечи?

Лиза весь декабрь серьёзно думала над тем, что подарить Соне. Правда, в голову ничего не приходило. Да задача была бы и не так сложна, если бы сестра, услышав, что кроме неё в Деда Мороза никто не верит, не решила подстеречь его в гостиной. А ведь на этот год она, Лиза, за веру в чудо как-никак ответственная... Продумав всё более-менее, Лиза, вздохнув, достала блокнот.

Так, значит на повестке дня, то есть Новогодней ночи три проблемы. Проблема №1: Какой подарок подарить Соне? Проблема №2: Как, если придётся разбить копилку, скрыть

от сестры её исчезновение? Проблема №3: Как, не зная, спит Соня или нет, пройти мимо неё и положить под ёлочку подарок (и здесь опять возвращаемся к пункту 1), чтобы не разочаровать её веру в сказку. Да, над этим стоит покумекать. Ах, да, ещё листик этот из блокнота надо будет вырвать и сжечь.

Вспомнила только, как старший брат ей объяснял, когда она была маленькая, что игрушка должна «определённо хотеться», поскольку хочется многого, а игрушка должна быть желанной и потом долго-долго любимой. Да, Матюха, конечно, давал дельные советы и, кстати, не пытался скрыть, что потихоньку взрослеет, не лишая, впрочем, сестру возможности верить в сказку. Сейчас он уже год как учится в техникуме.

А вот младшей сестре что подарить-то? Решать надо срочно. Тем более, что до Нового года осталось всего три дня (а если быть абсолютно точной, два с половиной).

Соне шёл пятый год, но она была серьёзным и наблюдательным ребёнком, совсем не склонным к рассеянности. Правда, помечтать она любила, это как раз-таки подчёркивало нормальность её психики – ребёнок же. Но в Чудо, особенно в Новогоднее, она верила неукоснительно. Для выяснения, какой нужен подарок, Лиза решила пойти на хитрость, которая, на самом деле, была уже давно проверена миллионами мам. Войдя в гостиную, она застала там Соню, занятую украшением ёлки. И вдруг, мгновенно забыв все уловки, брякнула её спине:

– Сонь, скажи, а ты что хочешь в подарок от Деда Мороза?

Соня, вешавшая на ёлку миниатюрного дельфинчика, не оборачиваясь, ответила, что сама пока не решила.

Лиза про себя выдохнула, что «пронесло, кажись», и чтобы загладить свой промах, с напускной серьёзностью сказала, что письмо надо писать сейчас же, а то можно опоздать. Соня неожиданно озаботилась этой идеей, сползла со стула и «по большому секрету» призналась Лизе, что «много чего хочет, но самое нужное выбрать никак не может». Лиза вдруг обнаружила в себе охоту поразглагольствовать. Она тут же – не без заднего умысла – пустилась в философские рассуждения.

– Знаешь, многие дети – чаще всего, эгоисты, – считают, что гору подарков им преподносят взрослые, тем более, что те им так и говорят. Это действительно так. Ведь не будет же Дед Мороз стараться только для одного ребёнка. Он всем подарки развозит. Такие дети считают, что весь мир существует только для них и что чем больше подарков, тем лучше. К ним Дед Мороз даже не заглядывает – зачем, раз они в него не верят, да ещё и подарков много и без него получают. А вот раньше, например, когда многие дети почти не получали подарков, любой мальчишка мог нахлобучить на палку валенок, и скакать на ней весь день, как будто это лошадь.

Лиза наглядно показала, как он это мог делать. Перестаралась малость. Соня прыснула.

– А любая девочка могла насобирать где угодно цветных

лоскутков, сшить себе куклу, набить её чем-нибудь и нянчиться с ней одной, пока не подрастёт. Вот им богатая фантазия заменяла красивую игрушку. А сейчас: «Хочу то! Хочу это!» Дети плачут, а родители платят.

Соня опять прыснула (какая сестра всё-таки актриса!).

– Причём, все игрушки сейчас «мейд ин Чайна», то бишь сделаны в Китае, и все одноразового использования. Так что знаешь, ты подумай, прежде чем писать. Но всё равно не тяни, письмо надо за день до Нового года отправить. Или со мной посоветуйся... Ты что хочешь?

Соня, конечно, как все маленькие девочки, обожала эти разговоры со старшей сестрой, называемые в их семье «девчьиими пошепталками». По секрету призналась, что хочет игрушку, которую можно будет любить, с которой можно говорить, нянькать её, чтобы был такой симпатягунчик. Из гораздо более длинного монолога сестры в реальности, чем тот, который изложен здесь, Лиза поняла только то, что Соне электронная игрушка не нужна. Да и, если покумекать как следует, её любая может устроить, лишь бы можно было, как она недавно сказала, «нянчиться с ней одной, пока не подрастёт». В конце концов, повезло ей, что Соня неприхотлива. Тяжело вздохнув, она предложила написать, чтобы Дед Мороз взял на себя ответственность за выбор того, что подарить Соне. Та согласилась. Настрочив письмишко, запечатав его и черкнув снаружи фамилию-имя-адрес, Лиза собралась было пойти на почту, как

вдруг её осенила Очень Простая Идея.

– А марка? Мы же деньги на марку должны достать!

– Точно, – Соня, к Лизиному облегчению, ничего не поняла.

Большая ярко-розовая свинья с оскаленной мордой, задвинутая на шкаф так, чтобы впечатлительные люди не замечали, как бы говорила: «Только попробуйте покуситься на моё добро!» «Добро» состояло из сэкономленных Лизой за год на школьных завтраках деньгах, но свинья с этим, похоже, не считалась. Будь она собакой, и то не смогла бы стать страшнее и выразительнее. Но Лиза, в свою очередь, не считалась со свинными клыками. Пройдя в их с Матвеем комнату, она тряхнула копилку, объявила, что просто так ничего не вытащишь, и демонстративно грохнула её об пол. Осколки крупными кусками легли рядом с кучкой денег (Соня с облегчением вздохнула и попятилась от откатившегося клыка), пушистый плюшевый коврик задержал отдельные монетки, разбежавшиеся в разные стороны. Лиза упрятала всю наличность в специальный мешочек, захватила красную «черепашковую» сумочку – подарок родителей ко дню рождения – и пошла одеваться, сказав Соне для подстраховки, что по дороге, если получится, купит себе кошелёк. В следующую секунду она облилась холодным потом.

– Лиз, а можно я с тобой на почту?

К старшей сестре быстро вернулось самообладание.

– Я сама. Может, ещё чего-нибудь прикуплю, а Мотыка

тебя на автобусе покатает.

Лиза не успела сообразить, достаточно ли логична эта уловка, но, как бы то ни было, она подействовала. Перспектива прокатиться на автобусе (в противоположную от почты сторону) привела Соню в восторг. Не столько из-за экскурсии на обратном пути по Мотькиному «цеху», сколько из-за самого катания, не запрещённого родителями, которым брат предварительно позвонил. Пока Матвей искал социальные карты, окрылённая и счастливая Лиза едва не в буквальном смысле летела по улице, тем более, что за ночь дорога кошмарно обледенела.

Судьба щедро одарила Веру и Илью ранней свадьбой, счастливым союзом, тремя детьми, а также четырёхкомнатной служебной квартирой, которую они, вдобавок, сумели приватизировать. А Лизу та же судьба одарила тем, что почта располагалась в трёх улицах от их дома, загороженная айсбергами многоэтажек. И как же легко разрешился вопрос с копилкой!

Забежав на почту, погревшись с минуту, запрятав обратно в сумку письмо, она, подумав, всё же купила Соне набор марок на тему «Новый год». Затем Лиза вдруг вспомнила, как в этом году смотрела гороскоп на имя София, и обнаружила, что «тотемное» животное для Сони – сова. Чего и следовало ожидать, ведь сова – символ мудрости. Однако это навело её на некую мысль, уже через секунду превратившуюся в идею: «Всё, подарочек есть!» Тем не менее, побренчав

в сумке деньжатами, Лиза пришла к выводу, что погулять по магазинам всё-таки стоит. Соня, небось, так увлеклась катанием, что забыла, где она и который час. А уж Мотыка постарается её задержать... Кто знает, может он и переусердствовал чуток, и они аж до Бондарной улицы доехали.

Как и обещала, Лиза прикупила себе новый кошелёк, прибавив ещё четвёрку резинок для волос, ручку с разноцветными чернилами и «волшебную» бумагу, чтобы можно было обернуть подарок и ответное письмо. Деньги таяли, а то, что нужно, всё никак не находилось. Заскочив в игрушечный магазин, она осмотрела витрину с «глазастиками» и остановила свой выбор на симпатичном совёнке, который, кстати, совсем недорого стоил.

Подойдя к дому, Лиза резко нырнула за гаражи, для перестраховки позвонила Матвею. Убедившись, что они ещё далеко, и никто её с «агромальным» пакетом около дома не застанет, она спокойно открыла дверь, поняв, что лифт опять сломался, поднялась на четвёртый этаж, зашла в квартиру и разложила покупки на столе. А всё «Дедоморозово» припрятала до поры до времени. Потом подумала и выкинула листочек из блокнота в мусорное ведро.

3

Под утро Лиза начала брыкаться, махать руками, и в результате на полу оказалось сперва одеяло, а потом и она сама. Вскочив и почти проснувшись, она сразу всё вспомнила.

Первой её мыслью было: «Два дня до Нового года!» Матюхи не было. Заглянув в детскую и убедившись, что Соня мирно спит, она обнаружила всю семью в кухне и то, что всего без пяти семь. Плотно прикрыв дверь, она тоже села завтракать.

– Ну как, Лизок, – подмигнул папа, – нелегка ответственность?

– Не скажи... В смысле, и не говори! И ведь Сонька-то всё не так воспринимает! Она ведь не такая, чтоб «моё-моё» и «всё для меня». Она даже не попросила конкретный подарок. Для неё новогодние приготовления – это написать письмо Деду Морозу, с тридцать первого числа по первое провести слежку около ёлочки и получить таковой. А у меня ощущение постоянно такое, как будто из-за угла на тебя вдруг налетит Соня и провалит всё дело. Подумать только, настоящая тайная операция!

– Операция «Снегурочка», – пошутила мама. Лиза её не поддержала.

– Так что мы купим Соне? – Поинтересовался Матвей.

– Подарок я уже обеспечила, – сказала Лиза, – ответное письмо Мотыка тоже написал. А вот как с доставкой быть, непонятно.

– То есть?

Лиза вознегодовала.

– Я ж вам русским языком сказала, что она собирается в полночь дежурить в гостиной!!!

...На кухне гремит телевизор. Отец смотрит на часы, переключает канал.

Все немного напряжены. До Нового года пятнадцать минут. Соня уже час сторожит в гостиной. Из-за телевизора шагов в прихожей почти не слышно. Лиза очень нервничает, поминутно косясь на дверь. Наконец в кухню на цыпочках, если только в валенках это возможно, входит Дед Мороз. Снимает бороду, шубу, валенки и превращается в Матвея.

– Ну, как?

– Ничего. Всё по плану, – Матвей комкает свой наряд, запихивает в мешок для подарков и кладёт в тумбу с посудой, – прокрутил звуковую запись, потоптался около ёлки, подарок положил. Только больше вот так дедморозить меня не просите. Я не могу постоянно чувствовать, что за мной следят.

– А шуба чья?

– Служебная. Мы на практике организовывали праздник для детей сотрудников. Я у Мишки Крагина еле выпросил...

– Мотья! – Восторженно сказала Лиза, – ты гений!

Матвей присел за стол, напевая на мотив припева «Мурки»: «Лизка, ты мой Лизёночек, Лизка, ты мой лисёночек...»

В столовую неожиданно вломилась Соня, прижимая к себе пушистенюкую сову.

– Мам, пап! Я Деда Мороза видела!!!

– Ты меня, конечно, извини, – Лиза с неподдельным изум-

лением осмотрела сову, показавшуюся ей сейчас чем-то действительно тотемным и таинственным, – но я уже взрослая и во всё это не верю.

– Я не расстраиваюсь, – серьёзно сказала Соня, – зато я в него верю. Я его видела.

– Ну, раз ты его видела, – рассудил Матвей, – больше стеснясь его не будешь?

– Конечно. Я же теперь точно знаю, что он есть.

Все заметно расслабились.

– Соня! – наставительно сказала Лиза, – эта сова из Волшебного леса. Ты будешь её любить?

– Да, очень!

Эта сцена Лизу растрогала, хотя она не без улыбки подумала о настоящем «Волшебном лесе», откуда сова транспортировалась в пакете.

– А тут ещё письмо! – Соня показала переливчатую бумагу и приготовилась прочитать вслух, но мама остановила её, взглянув на часы.

– погоди. Через минуту Новый год. Давай отметим.

– И так, – папа поднял бокал, – предлагаю тост...

– О, я, я! Можно я! Я хочу тост! – запрыгала с поднятой рукой Лиза.

– Ну, давай...

– Значит, так, – Лиза откашлялась, – тост за Матвея!

– Почему? – удивился папа.

– Потому, что он хороший, – напускным капризным то-

ном, не допускающим возражений, сказала Лиза, – а раз я говорю – хороший, значит хороший.

– Ну, давай, – все чокнулись бокалами, кто с шампанским, а кто с «Байкалом».

С экрана донёлся бой Курантов. Мало кто услышал, что после двенадцатого удара где-то запоздало лязгнула цепь весов, и снег тихо завихрился, опускаясь на металлическое дно новой чаши.

Клочки тумана над рекой²

Долго и настойчиво трезвонят. Кто трезвонит – непонятно... Инка подняла тяжёлую, будто налитую свинцом голову (она и сама так подумала, хотя понятия не имела, сколько весит свинец) и посмотрела на дверь. Но тут же осознала, что она уже не спит, и звонок в её комнату не проведён. Они ведь сейчас в деревне Смородиново, тут тебе не Москва!

Трезвонил старенький бабушкин будильник «Гранат», потерявший всю свою красоту, цвет, а так же и громкость – не то, что в «былые годы»! Но настойчивость он сохранил, что удивительно – ведь уже такая развалюшка.

Зачем же Инна его завела на пять утра? Повернув голову к окну, она заметила на столике листок с зашифрованной Генкиной запиской, в которой цифры стояли вместо букв, и наоборот. На время каникул в семье вводился мораторий на электронные устройства, вот и приходилось прибегать к тайнописи.

Инка вскочила. Как она могла забыть! Ведь Генка ей... А-ай, некогда вспоминать! Надо срочно бежать к речке, под откос, где старая ива.

Инна надевает поверх пижамы сарафан и так торопится, что по ошибке одну руку вдевает в дырку для головы. По-

² Рассказ был опубликован 13.04.2020 г. в газете «Октябрь» Тарусского района Калужской области, в рубрике «Литературная гостиная».

том хватает пакетик с купальником. Ох, да скорее же, скорее! «Давай в окно!» – командует себе Инна.

И вот она уже мчится по траве, не замечая ничего, кроме речного берега, даже корней на своём пути. Добежав до откоса, она уже просто «катком катится». Вот и ива. Инна начала подпрыгивать на бегу, чтоб успеть затормозить и не окупнуться раньше времени. А то...

Инна резко остановилась, упала на влажную от росы траву. Перевернулась на спину. В небе, в редких золотистых лучиках солнца купались перистые облачка такого же цвета. Где-то далеко забил пулемётной очередью дятел. Потом прокуковала кукушка. Девочка не стала считать, сколько раз повторялось это самое кукование, поскольку в счёт «кукушкиных» годов не верила. Но приятно было послушать утреннее разноголосье леса, там, за рекой... Но лес лесом, а нужно ещё на иву залезть и Генку дождаться.

Она быстро скинула с себя платье и пижаму, натянула купальник и залезла на кривую иву. И стала ждать.

Над рекой, как обрывки вуали, висел почти совсем растаявший туман, переливаясь в неестественные формы. Невольно вспомнились стихи Пушкина: «Там лес и дол видений полны, там о заре прихлынут волны на брег песчаный и пустой...» Хм... Действительно пустой. Генки-то всё нет и нет. Инна уже стала беспокоиться – скоро шесть часов, а им ведь нужно успеть искупаться до семи.

«... Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях си-

дит...»

Интересно, где этот леший Генка бродит, пока его русалка тут на ветвях сидит?

Вдруг кто-то схватил её за плечи и стал щекотать. Инна не удержалась и повисла на ветке вниз головой, случайно зацепившись ногами. Посмотрев наверх, она увидела Генку. Он сидел (нет, пожалуй, висел) между двумя ветками, уцепившись наподобие живого гамака. Ясно было, что он сначала тоже висел головой вниз, перекинув каждую ногу через сук, а свободными конечностями хватался за Инну.

– Генк, ты... ааа!

Инка соскользнула и плюхнулась прямо в воду, ещё не остывшую с вечера, и открыла глаза. Вода была прозрачная, с цветовым переходом от зеленоватого дна до светло-голубой плёнки, которая обычно находится между плотной массой воды и воздухом. Вокруг Инны кружились и всплывали кверху белые пузырьки. Тут бултыхнулся в реку и Генка, «провалив» под собой толщу воды и устроив вокруг себя водоворот пузырьков и фонтанчиков песка. Инна решила, что пора всплывать...

Ребята резвились в воде минут сорок, но для них это была целая вечность. Они таскали друг друга за ноги и за руки, играли в «баржи» (это когда ложишься на воду лицом вниз и плывёшь по течению, наблюдая, как к тебе подплывают мальки), плыли взапуски и ныряли со старой кривой ивы – кто дальше или кто изящнее. Генка блестяще умел ны-

рять ласточкой и солдатиком, поскольку занимался в плавательной секции, а вот у Инки с нырянием дело обстояло из рук вон плохо. Когда договорились нырнуть в последний раз, до воды долетел только Генка, а Инна застряла в ветвях.

Потом поплыли ниже по течению до кустов неизвестного названия, которые торчали из берега, как остов мочалки, неведь откуда появившийся. Вода тут была не такая прозрачная, как возле ивы, но смотреть сквозь неё было можно. И ещё в этом месте на середине реки были большие, обкатанные водой до полной гладкости камни. Инка забралась на самый большой из них, выступающий из воды.

– Генк, рыбак идёт. Можно я волосы распущу? А ты давай лезь под корягу.

– Зачем мне туда лезть?

– А при людях русалке русала не требуется!

– Вот чудачка! И где ты видела людей?

– А вон там, вон там!

Инна показывает обеими руками в разные стороны, с хохотом поджимает под себя ноги и, задержав дыхание, делает кувырок назад. Генка, поняв шутку, ныряет за ней. Купаться можно было бесконечно, но Генка в конце концов решил, что пора вылезать.

На иве висел пакет с полотенцами, который Генка прихватил по уговору с собой. Вытершись, Инна накинула пижаму и сарафан, убрала купальник, надела старенькие шлёпки и попрощалась с уже переодетым «русалом», который сра-

зу же после прощания решил проводить её.

Они шли, взявшись за руки, по влажной от росы траве и обсуждали советские фильмы и мультфильмы, снятые по книгам Кира Булычёва, споря до хрипоты, устарело или нет их видение будущего на сегодняшний день. Инна, несмотря на разговор, заметила, что вокруг так хорошо, что утро такое чудесное, и что такие вот минутки, полные счастья, происшествий и радостей, выпадают иногда, когда ты отвлекаешься от повседневных дел и нечаянно замечаешь, как всё вокруг прекрасно. И тогда душа рвётся ввысь, словно птица, выпущенная из подземелья, и хочется петь, чтобы как-то излить свою радость. Но ты понимаешь, что петь ты не мастак, и если запеть, на тебя ТАК посмотрят... Поэтому просто тихо радуешься. Только всё-таки закрадывается мысль: а что, если записать этот момент, и таким образом начать вести дневник. Но потом обнаруживается, что и писать-то тебе лень, и, собственно, переживаемый момент самый обыкновенный. Напишешь – засмеют. Скажут, что это глупо, что все об этом знают.

Конечно! Как только написали, сразу всё стало ясно и обыденно. Но мы забываем одно: хоть такие моменты в нашей жизни происходят часто, но замечаем мы их редко. И если это удалось, надо постараться хотя бы оставить в своей памяти свежий след пережитого. Как те клочки тумана, которые она видела, когда залезла на иву ждать Генку.

– Инка! Я с тобой разговариваю!

– А?.. Извини, отвлеклась... Так о чём ты?

Инна вошла в дом. Сняла сарафан и повесила в гардероб, оставшись в пижаме. Туда же положила купальник. Прислушалась: всё тихо.

Дверь на кухню открыта, так что при случае можно сделать вид, что проснулась и пошла попить. Но для пущей убедительности надо закрыть дверь. К счастью, она не скрипит. Дверь спальни, где спят родители, тоже открыта; оттуда доносится шумное дыхание отца. Это уже не так хорошо. В смысле, что дверь открыта. Инка уже собралась прошмыгнуть в свою комнату, но тут оглушительно хлопнула дверь в детскую. Папа в спальне подозрительно притих. Перед ошарашенной Инной предстала заспанная сестрёнка – пятилетняя Анфиса.

– Фис-ска, ты чего?!

– Ничего. А ты куда ходила?

– Да воды попить...

– А папа спит?

– Сплю! – довольно громко сказали из спальни.

Сёстры хихикнули. Инна прикрыла дверь; как только она это сделала, из комнаты послышались такие звуки, как будто бы папа решил сделать сразу две вещи одновременно: съесть мочалку и объяснить детям третий закон термодинамики.

Анфиса ушла в свою спальню. Инна – тоже. Она легла в кровать, но спать ей совсем не хотелось. Тогда она вста-

ла, порылась в ящике стола, достала общую тетрадь и ручку.
И стала писать...

Богатыри – не мы...³

Последний день в моей жизни, когда я был свободен как ветер, мне не забыть никогда. Мы с парнями прогуляли школу, отправились на речку, потом разукрасили несусветными надписями чей-то забор, сломали качели на детской площадке и были счастливы. А потом они пошли по своим делам, а я отправился провожать из школы Римку. Егор, правда, тоже хотел её проводить, и между нами завязалась интересная беседа, но, к счастью, она быстро прекратилась. Это потому, что Егор вспомнил, что сегодня из командировки возвращается его... тётя. Сперва я не понял, почему не отец, и почему Егор боится не отца, а тётки, но в душу лезть к нему не стал. Я сказал, что разговор прекратился к счастью, потому что, если бы он затянулся, я опоздал бы провожать Римку, а когда пришёл к ней домой, она бы сказала: «Ты сегодня с мальчишками прогулял школу, пошёл на речку, сломал качели на детской площадке и разукрасил забор, а потом подрался с Егором за право меня проводить, и он разукрасил тебя».

Я шёл, помахивая сумкой, и думал, что жизнь прекрасна.

³ Рассказ был опубликован 23.04.2020 г. в газете «Октябрь» Тарусского района Калужской области, в рубрике «Литературная гостиная». Публикация участвовала в 2020 году в федеральном конкурсе журналистских работ «В фокусе – детство», автор вошёл в число призёров в номинации «Работа над ошибками».

Мне и в голову не приходило, что это мой последний беспечный день!

Римму я встретил у школы. Она благоухала. Интересно, это цветы были или духи? Но думать об этом мне долго не пришлось, потому что Римма сразу выпалила мне навстречу: «Как ты относишься к героям?» По её вдохновенному лицу я догадался, что сегодня они проходили по литературе что-то о героях. Но если под героем подразумеваюсь я, то почему бы и нет. Я ответил, что отношусь к героям положительно. Мы пошли к Римме домой. Всю дорогу она вещала. Я где-то вычитал это слово, и другого к её поведению говорить подобрать не могу. Она никогда не говорит, она только вещает. В тот момент она вещала о героях, о том какое благородное дело – созидательный труд и тому подобную околесицу. А потом сказала мне, что нам надо стать чище и совершеннее, и поэтому мы будем заниматься волонтерской работой. Этого ещё не хватало! Тут уроки списывать не успеваешь, а она вон чего придумала! Я собирался высказать ей все свои возражения, но почему-то промолчал, как у меня всегда в таких случаях бывает. Римма продолжала свою лекцию, а я чувствовал, что с этой минуты кроме двух портфелей – моего лёгкого и Римкиного тяжёлого – на меня обрушилась какая-то новая, непомерная тяжесть.

Мы пришли к Римме, и она ни с того ни с сего позвонила Егору и пригласила домой и его тоже. Я сидел вяло и ко всему безразлично: теперь уже всё равно.

Егор пришёл. За ним трепыхались полы его пальто. Одна – понуро, видимо из-за домашней взбучки, другая – чуть веселее, потому что Римма пригласила его к себе домой. Правда, увидев меня, Егор скис, а когда увидел на столе горю учебников и понял, чего Римма от него хочет, скис ещё больше.

– Курите? – спросила Римма.

Мы дружно мотнули головами.

– Правильно делаете, – сказала Римма, – если б курили, я бы начала вас отучивать.

Я про себя охнул и решил, что теперь уже никогда не начну курить. По-видимому, Егор подумал о том же.

Потом началось «хождение по мукам»: Римма заставила нас сделать всю математику и биологию, и, как я ни сопротивлялся, всё понял и запомнил. Егор страдал вместе со мной, и я почувствовал к нему симпатию.

Потом начался форменный кошмар. Римма вместе с другими волонтерами повела нас наводить в городе порядок к майским праздникам и, «совмещая приятное с полезным», читала нам вслух стихотворение Лермонтова «Бородино».

– Римус! – взмолился Егор. – Пожалей нас! Зачем нам заниматься такой ерундой? И без нас город нормально выглядит, а стихи с нас уже год как не спрашивают!

– Ничего-ничего, – Римма стала похожа на Великого инквизитора, – приберёте немного, не переломитесь. А сбежите – списывать не дам!

Мы сметали с тротуаров мусор под торжественное: «Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя: Богатыри – не вы!» Мы вкалывали как тридцать три богатыря, и всё равно понимали, что богатыри – не мы. Мы пробежались по ближайшим домам с распылителями и закрасили все надписи, которые начертали на каменных плитах и деревянных заборах безымянные представители современного искусства.

– Эх, жалко! – сокрушалась Римма. – Всех надписей не замазали! Ну ничего, город маленький, успеем.

Мы с Егором только сейчас поняли, что наш город большой, просто огромный! Это ничего, что тут всего две школы да одна библиотека. Зато здесь около пятисот домов, и у каждого минимум четыре стены или стороны забора. И по меньшей мере треть из них придётся приводить в порядок.

Эх, чего не сделаешь для дочки следователя! В особенности, красивой дочки следователя. Тем более, для первой отличницы класса. Мы чинили качели, и нам казалось, что на детской площадке до нас побывали и уланы с пёстрыми значками, и драгуны с конскими хвостами. Мы изо всех сил старались привести качели заодно с площадкой в божеский вид, и нам это относительно удалось. Примерно настолько, насколько чисто выглядит белая футболка, густо измазанная чернилами и постиранная вручную в бадье. Но мы были горды нашим трудом. Возможно потому, что впервые трудились на благо общества. Однако радоваться было рано: оказалось,

и на скамейках многие люди тоже пишут свои глубокомысленные изречения. Я разозлился на всех индивидуумов, которых жаба задушит блокноты купить, а Егор признался, что ему лень быть тимуровцем, тем более, что даже конфет за это никто не даёт.

– Вот когда мне лень делать уроки, я стараюсь сделать их побыстрее, чтобы потом не приходилось ими заниматься, – поделилась опытом Римма.

Мы не поняли.

– Ну, мне лень делать уроки сейчас, но лень делать и позднее, неприятно ощущать на себе груз задолженности, – Римма постаралась объяснить чуть распространённое, – пусть лучше они останутся в прошлом. Чем больше сделаю уроков сейчас, тем меньше мне их придётся делать потом. Мне лень учиться, поэтому я учусь.

Мы с Егором сказали, что поняли. Мы всегда так делаем, когда нам объясняют запредельные темы.

– Не вешать нос, гардемарины! – подбодрила нас Римма. – В этом городе для нас ещё полно работы. Я из вас сделаю богатырей!

Придя домой поздно вечером, я не стал ужинать, а просто без сил повалился на кровать. Ночью мне снилось, что я – Илья Муромец и обороняю Москву от полчищ французов, готовых переломать за Кремлёвской стеной все качели, разрисовать стены граффити и свински намусорить на тротуарах. В конце концов какая-то Мария Антуанетта в гусарской

форме сбила меня с коня и начала поднимать в школу. Я понял, что это мама, засунул в рюкзак всё необходимое и отправился честно грызть гранит науки – в первый раз после четвёртого класса. У школьных ворот я встретил Егора. Его рюкзак тоже был набит битком, и я понял, что наша жизнь кончена, и мы никогда уже не сможем стать теми беззаботными хулиганами, какими были день назад.

Мы с Егором не ошиблись – Римма и в школе установила за нами жёсткий контроль. Раньше я злился на класс за то, что ребята галдят на уроке, а теперь вдруг в кабинете стало тихо-тихо, как в могильном склепе. Жанна Васильевна несколько минут стояла в дверях, высматривая поверх очков причину такого непонятного поведения, а Римма зыркала на меня и Егора глазами – молчать! Меня осенило: похоже, это мы – я, Егор и Федька – шумим на уроках, а остальные лишь подтягиваются за нами. Федька, наш школьный подпевала, тоже молчал – он привык действовать за компанию, а раз мы с Егором внезапно онемели, то и он решил не светиться.

Жанна Васильевна никак не могла взять в толк, какое стихийное бедствие уготовано ей сегодня, но мучиться в ожидании скорой гибели невыносимо, и учительница неверным шагом пошла на встречу своей судьбе – начала урок. Мы читали наизусть «Бородино». Сперва прочитала Лика Мехова. Она у нас маленькая и незаметная, за ней никто в школе не ухаживает, учителя её редко замечают, иногда даже за-

бывают отметки за четверть выставить. Воспользовавшись наступившей тишиной, она дрожащим фальцетом ответила домашнее задание. Затем «Бородино» продекламировал я... Потом Егор... Жанна Васильевна побледнела под пудрой и слегка покачнулась, но взяла себя в руки и выставила нам с Егором две корявые пятёрки. Потом у каждого в дневнике подписала: «Выучил честно». Егор с сожалением посмотрел на меня, потом на пятёрку и тяжело вздохнул. Мне стало не по себе.

– Никитюк, что происходит? – попробовала разобраться Жанна Васильевна.

– Не могу знать, товарищ командир, – ответила Римма.

Про то, как прошли остальные уроки, можно не рассказывать.

С тех пор, какстряслась эта катастрофа, я самому себе напоминаю девушку из песни Высоцкого «Я несла свою беду...». Волонтерский труд – это моя карма, мой тяжкий крест. Прошло три месяца, но мы по-прежнему чиним всё, что нам в городе попадает под руку. Мы с Егором больше не дерёмся, а по некоторым предметам вытянули аж на «четвёрки» за год.

Американские супергерои нам в подмётки не годятся! Потому что намного сложнее систематически наводить порядок, чем спасать девушек от придуманных монстров. Когда я вижу, что кто-то рисует на заборе или бросает мусор мимо бака, мне немедленно хочется его «ликвидировать». Я

до сих пор осознаю, что богатыри – не мы, но почему-то соседи стали гораздо больше нас уважать. И хотя это по-своему приятно, но я с тоской вспоминаю те далёкие времена, когда не нёс на себе никакой ответственности – ни за себя, ни за других. Некоторые бывшие друзья мне втайне завидуют. Это они зря: у людей, вступивших на путь борьбы со злом, очень трудная жизнь. Уж вы мне поверьте!

Семейная династия

Римма Никитюк шла по тротуару и пинала коленями свой рюкзак. За ней тащился Куницын Володя и слушал, как Римма вещает.

– Утром ты опоздал в школу, потому что забежал к Голвлёву узнать, когда он отдаст тебе книгу, а в итоге с ним подрался и удирал через чердак.

– С какой стати?

– Ну, во-первых, ты давно собирался забрать книгу назад... кстати, это Диккенс или Стивенсон?

– Почему именно они?

– У нас по программе. Только Стивенсона ты уже прочитал, остаётся узнать, решил ли ты его перечитать. А Диккенсом тебя тётка пилила всю неделю.

– Ну да, это был Диккенс.

– «Рождественская песнь в прозе»?

– Откуда ты знаешь?

– Тебе это интереснее и легче всего прочитать. Ну так вот, завтра, если ты не принесёшь эту книгу в библиотеку, наша Вера Фёдоровна тебе голову оторвёт. Но завтра тебе некогда, вы с парнями затеяли какую-то аферу...

– Ничего подобного!

– Ой, да перестань! Твой дружбан, как бишь его... Тихон, да... заходил ко мне за брелоком.

– За каким ещё брелоком?!

– Твой Тихон жутко суеверный, а прошлым летом мой брелок в виде пистолета помог ему (как он думает!) завоевать первое место на соревнованиях по борьбе. Вот он с тех пор, чуть что серьёзное намечается, берёт его у меня.

– А потом возвращает?! – Язвительно спросил Володя.

– Он считает, что я намагничиваю брелок удачей.

– Ну, допустим, идут ребята по делам, а я здесь причём?

– Ты ещё вчера просил у меня батарейки для карманного фонарика. И верёвку недавно одолжил. Альпинистскую.

– А может, я для друзей?

– Друзья не нищие, у них и своё снаряжение имеется. Недавно видела. Они с уроков сбежали подготовиться, я в окошко заметила, как они советовались. Что, не так было?

– Ну было... Мы раскопки ведём...

– Ладно, договорились, будем считать, что раскопки. Не парься, я честный детектив, своих не сдаю.

– А почему ты решила, что я опоздал в школу?

– Ты хромаешь, значит, удирал через чердак и по заднему двору, а там куча железок. Чтобы благополучно удрать, надо было убегать в сторону улицы маршала Жукова, а это в противоположную от школы сторону. А потом тебе надо было бы продираться окольными путями. В итоге, как бы ты ни спешил, в школу ты опоздал на пять минут минимум. Сегодня вторник, первым уроком у нас труды. И Анатолий Николаевич опоздавшим спуску не даёт. Я заметила, ты на пе-

ремене пытался стереть из дневника замечание.

– Я?!

– Под лестницей. Чтоб никто не видел. Ты ещё потом одолжил у Ефимовой замазку. И всё равно не стёр. Судя по тому, что домой ты не торопишься.

– Ну вот скажи мне, как ты всё узнаёшь? – Вопрос был риторический, Володя и так знал, откуда.

– Вов, у меня родители потомственные сыщики.

На это Володя не нашёлся, что ответить.

Так они дошли до домика Риммы. Римма вынула ключ и вставила его в замок. Ключ вошёл только наполовину.

– Ну что такое?! – У Риммы холодок пробежал по спине. – Ох ты ж... Я же его на два оборота закрыла, а нужно было на один!

– В смысле? – Не понял Володя.

– Когда этот замок на два оборота запираешь, он потом заедает! Блин, мы же сейчас домой вообще не попадём!

Здесь, как водится, были упомянуты и ёлки, и палки, и лес густой. Римма то засовывала в замочную скважину, то доставала ключ, боясь слишком резко повернуть его и сломать.

– А давай с чердака залезем, – предложил Володя.

– Он заперт.

– Так стекло высадим. Я аккуратно, я умею.

– Прибьют.

– Тогда через дымоход.

– У нас заслонка закрыта.

– Тогда дверь выломаем.

– Ну да, конечно! – Иронически произнесла Римма. Дверь была большая, толстая и тяжёлая. Против неё сил двух худощавых ребят было явно маловато.

– Это что, кража со взломом будет, да?

Володя, больше ничего не предлагая, отстранил Римму от двери, вынул из рюкзака стальную проволоку, поковырялся ею в замке, и дверь открылась.

– Такой вариант тебя устраивает? – Вид у Володи был такой, будто для него это занятие – чашка чаю перед сном.

– Вов, ты просто профессиональный взломщик! – Восхищалась Римма.

– Это наследственное, – самодовольно, но всё же пытаюсь притвориться скромным, сказал Володя, – сделай мне пока домашку, а я бутербродов настрогаю. Желательно с мясом.

– Ветчина в холодильнике, – отозвалась из комнаты Римма.

Библиотечные казематы

Когда мама увидела моё сочинение по Чехову и нижестоящую оценку, она сказала, что я в достаточной мере взял с него пример.

– Краткость – сестра таланта, – попробовал отмазаться я.

– И дочь лени, – добавил папа.

Эту концовку я упустил.

– Надо бы тебе взять пример с Толстого, – угрожающе посоветовала мама.

– У нас Римма каждое сочинение пишет, как Толстой, – мрачно сказал я, – на пятнадцать страниц. Учителей мучает.

На следующий день я честно спешил в школу, но дорогу мне преградили футболисты. Перейти через поле, которое они оккупировали, было бы нетрудно, если бы там был светофор. Но там даже зебры не было. Путь, предстоящий мне, напоминал нерегулируемую проезжую часть.

– Ребята, играйте в футбол с препятствиями! – предложил я.

– Препятствия сильно пострадают, – возразил мне пацан лет пятнадцати.

Пришлось делать здоровенный крюк. Зато остался в целости и сохранности.

Сегодня у нас, к счастью, было всего четыре урока. Такие дни для меня как праздник. Я обрадовался, что Римма смо-

жет сделать мне уроки пораньше, и у меня останется в запасе ещё много времени.

Я просчитался.

После четвёртого урока Римма сразу пропала. Я, раздосадованный этим обстоятельством до крайней степени, применил все свои дедуктивные способности, чтобы узнать, куда мне направить свои стопы. Римма такая умная, что всю домашнюю работу делает на переменах. Так почему бы не остаться после уроков и не помочь мне?! Это уже обряд, почти традиция, а она нагло её попирает, хотя всегда была консервативной девчонкой. Или... да нет, не может быть.

По своим тайным каналам, известным только мне и никому больше, я выяснил, что Римма дала кому-то свою «Анну Каренину», а книгу не вернули, хотя Римке она нужна позарез.

Пришлось идти в библиотеку. Я, смутно подозревая, что праздник испорчен, нехотя поплёлся в бункер, где она располагалась. На входной железной двери висел плакат с глубокими изречениями: «Где говорит мысль, там замыкаются уста», «Оставь продукты всяк сюда входящий», «Книга – луч света в царстве теней». Автор этих уведомлений, несомненно, Римка. Рисовал кто – не знаю, но возможно, тоже она.

У входа сидела Вера Фёдоровна, или ВерФь, на стене красовалось: «Рот тщательно запирайте на замок, Чтоб книгой насладиться каждый смог. И после сразу на хранение сдайте ключ, Чтоб к вам в мозги пробился света луч». Тоже Рим-

ка. Когда я вошёл, Вера Фёдоровна вопросительно подняла на меня глаза.

– Куницын, 7 В. Книгу не беру, пришёл за Никитюк, – протараторил я.

Вера Фёдоровна замахала руками, заткнула уши. Я замолчал, вздохнул и «сдал ключ». Она пустила меня в читальню, но этот зал мне не был нужен. Римму, с её безупречной репутацией, пускали прямёхонько к стеллажам, и там она застревала надолго.

Пришлось написать это на бумажке, чтобы Вера Фёдоровна поняла. Вообще общаться с нашей Верой Фёдоровной очень трудно. В прихожей с ней ещё можно поговорить так-сяк, но, когда «сдаёшь ключи», всякий обмен информацией прекращается. Наиболее эрудированные читатели, если под рукой нет пишущих принадлежностей, пытаются общаться зрительно, указывая по порядку на буквы, чтобы «ВерФь» составляла из них слова, или на вычурные фразы в книгах, подходящие к ситуации, или пытаются жестами объяснить, чего им надо – кто во что горазд. В общем, мне удалось проникнуть в книжный отдел.

Я вынужденно промаршировал вдоль стеллажей. На цыпочках. Пока я размышлял, как мне объяснить Римме, чего я от неё хочу, я заблудился. Это самая въедливая особенность нашей библиотеки – тут ничего не стоит заблудиться в трёх стеллажах.

Когда, наконец, я случайно набрёл на Римку, она читала.

Как ни естественно это было, я взъярился. Ненавижу, когда Римма читает в библиотеке, именно потому, что она имеет на это полное право.

Я потряс её за плечо. Этого было мало. Римма страдала вместе с Карениной. Она так глубоко была погружена во внутренний мир героини, что наш, внешний, остался далеко за её мысленным горизонтом. Я хотел подать голос, но спохватился, что «оставил ключи» у Веры Фёдоровны. Хоть в библиотеке драться запрещено, но я подопнул Римку хорошенько. Всё равно не помогло. Загородил книгу рукой. Наконец-то! Хотя, по-моему, рада этому Римма не была.

Я снова попытался объяснить ей, что мне нужно списать. Но, видно, она всё ещё размышляла о прочитанном. Наверное, у неё было точно такое же ощущение, как у меня, когда я замечтаюсь на уроке и вдруг слышу: «Куницын, к доске!» Я налёг на энергичность и выразительность жестов, но – безрезультатно. Я хотел заорать, но снова вспомнил, что «ключ» у Верфи.

Я взбеленился. Я колотил себя по голове, показывая Римке, какая она дура. Иногда сгоряча промахивался и попадал по лицу, но в пылу ярости не замечал этого. Я пилил большим пальцем руки по шее, объясняя, что оторву ей голову, и впервые пожалел, что вовремя не постриг ногти. Я бросил кепку на пол, стал её топтать, забыв про то, что шуметь нельзя. Я рвал на себе футболку, царапал щёки, кусал локти, или пытался это сделать. Но она всё равно не поняла. А может

и поняла. Во всяком случае, она указала мне на дверь. Иногда за такой эгоизм я Римму просто ненавижу.

С досады я повернулся и пошёл. И опять заблудился. Причем надолго. От скуки я брал с полки первую попавшуюся книгу и читал по одной главе, бросая книгу за книгой и хватая другую. А когда поднял глаза от десятой книги по счету, выход как-то вдруг нашёлся сам. Это был заговор!!!

Я «выхватил» у Верфи свои «ключи» и выскочил в коридор, намереваясь выкричаться там всласть. Но внезапно раздался звук иерихонской трубы, или, говоря прозаическим языком, звонок на перемену, и меня сбilo с ног цунами шума. В первую минуту я приготовился к худшему, но, когда собрался с мыслями, понял, что до светопреставления, пожалуй, ещё далековато. Окончательно придя в себя, я убедился, что это всего лишь последняя перемена.

В библиотеке все были лишены права на разговор. Здесь же оно предоставлялось всем, и все нарушали право на это окружающих. Как говорил Экзюпери, нет в мире совершенства.

Как только я пришел домой, папа перестал смотреть футбол, а мама уронила солонку в кастрюлю с супом и ахнула:

– Володя, тебя побили?

– Поскользнулся? Упал? – с улыбкой спросил папа.

Я вздохнул.

– Все мы оскальзываемся на жизненном пути. Но ещё Конфуций сказал, что величайшая слава не в том, чтобы ни-

когда не ошибаться, но в том, чтобы уметь подняться каждый раз, когда падаешь.

На следующее утро мама меня в школу не пустила.

Разговор в поезде⁴

Солнце медленно опускалось к горизонту и зябко куталось в прозрачное лиловое облако. Состав, стуча колёсами, торопливо бежал поперёк золотисто-розовых лучей, не петляя, к линии горизонта, как будто стараясь перерезать эти струи света, на закате ещё более ослепительные, чем днём. Деревьев не было, так что свет беспрепятственно проникал в незашторенные окна.

Вагон покачивало. Отец с пятнадцатилетней дочкой смотрели то в окно, то друг на друга. Рите было это интересно вдвойне, так как с папой она познакомилась только сегодня, после объяснительного разговора отца с тётёй. Отец представлял собой прототип для типичного книжного злодея: давно не стриженные чёрные волосы, скуластый, худой, жилистый. Единственное, что «портило картину», так это ярко-синие глаза, никак не вязавшиеся с его угрюмым видом. Рите доставляло удовольствие, что единственное, чем внешне она с ним различалась, была итальянская коса, заплетённая ею по книжке специально для такого случая. Образ папы казался ей очень мужественным. Хотелось начать разговор, и Рита воспользовалась первой пустячной темой:

– Такое ощущение, что по пустыне едем.

⁴ Рассказ номинировался на Детскую литературную премию «Глаголица» (г. Казань) в 2018 году, автор вошел в число призеров.

– Это не пустыня, а степь, – поправил папа.

– Слушай, а давай поговорим. А то я с тобой только сегодня по-человечески познакомилась. Кстати, спасибо за то, что выкупил.

– Знаешь, ты не думай, но я порядочно перетрусил, когда с твоей тёткой беседовал. Боялся, что ляпну что-нибудь не то. А то у меня, знаешь, с детства привычка над всеми шутить. Сарказм – это моя фишка.

– Зато я дипломатично беседовать умею. Если что надо – зови меня, я справлюсь. Мы теперь идеальное сочетание, и друг друга будем дополнять. Хотя... я на самом деле тоже не овечка. Если меня разозлить, то любой Empire State Building свернуть могу. Если с американцами воевать будем, меня в подрывники запиши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.